

Татаринцева Елена Александровна

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

Статья посвящена современной периодизации процесса международного усыновления, необходимость которой обусловлена переосмыслением роли Российской Федерации в международном усыновлении в качестве "государства происхождения". Автор анализирует ранее не исследованные в российской науке основания периодизации международного усыновления, предлагаемые зарубежными учеными; проводится сравнение с теми основаниями периодизации, которые используются в российском семейном праве; дается характеристика периодов исторического развития процесса международного усыновления; делается вывод о необходимости рассматривать процесс международного усыновления в Российской Федерации не с национальной, а с глобальной точки зрения, как неотъемлемую часть мирового процесса развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 168-177. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. «Джамаат мувахидов» прекратил своё существование // Комсомолец Каспия. 2006. 27 декабря.
7. Информационно-аналитический бюллетень (общественно-политическая ситуация в Астраханской области). Астрахань, 1999. Вып. № 4 (8).
8. Информационно-аналитический бюллетень (общественно-политическая ситуация в Астраханской области). Астрахань, 2000. Вып. № 1 (9).
9. Информационно-аналитический бюллетень (общественно-политическая ситуация в Астраханской области). Астрахань, 2000. Вып. № 4 (12).
10. Информационно-аналитический бюллетень (общественно-политическая ситуация в Астраханской области). Астрахань, 2001. Вып. № 2 (14).
11. Информационный бюллетень Администрации Астраханской области. Астрахань, 1999. Вып. 4.
12. Исхаков Г. Ислам в Татарстане: история и современность // Мир ислама. Казань, 1999. № 1. С. 22-25.
13. Ланда Р. Г. Ислам в истории России. М.: Вост. лит., 1995. 312 с.
14. Магомедов А. К., Мацузато К., Викторин В. М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферия» мусульманского пространства. Ульяновск: УлГУ, 2006. 72 с.
15. Малащенко А. В. Государство и ислам в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://i-g-p.ru/page/stream-exchange/index-13339.html>
16. Песиков Ю. В. Мечеть на Татарской улице. Саратов: Слово, 1997. 54 с.
17. Полевые материалы автора.
18. Саратовская область в цифрах и фактах. Саратов, 2004.
19. Семенов В. В. Мусульмане в общественной жизни Саратовской области // Ислам на Юге России: сборник статей. Астрахань: Аф ВАГС, 2007. С. 67-76.
20. Силантьев Р. А. Ислам в современной России: энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008. 576 с.
21. Силантьев Р. А. Новейшая история исламского сообщества России. М.: ИХТИОС, 2006. 632 с.
22. Социально-экономическое развитие Астраханской области в 1997 г.: официальный доклад Администрации Астраханской области. Астрахань, 1997.
23. Текущий архив Духовного управления мусульман Поволжья.
24. Юнусова А. Б. Ислам в Башкирии. Уфа: Изд-во ВЭГУ, 1999. 150 с.

**STATE POLICY AND ISLAMIC STRUCTURES IN 1991-2008
(BY MATERIALS OF VOLGA REGION)**

Syzranov Andrei Vyacheslavovich, Ph. D. in History
Astrakhan' State University
a_sizranov@mail.ru

The author considers the process of "Muslim renaissance" within the Volga region in the context of Russia state policy in relation to the Muslim organizations, analyzes the main aspects of state-Islamic relations by the examples of Tatarstan, Bashkortostan, Astrakhan' and Saratov regions, and pays special attention to the analysis of Muslims' Spiritual Administrations activity in the field of enlightenment, education and charity.

Key words and phrases: Islam; Muslims; Muslim clergy; Muslim Spiritual Authority (muftiyat); policy; Russian state.

УДК 347.633

Юридические науки

Статья посвящена современной периодизации процесса международного усыновления, необходимость которой обусловлена переосмыслением роли Российской Федерации в международном усыновлении в качестве «государства происхождения». Автором анализируются ранее не исследованные в российской науке основания периодизации международного усыновления, предлагаемые зарубежными учеными; проводится сравнение с теми основаниями периодизации, которые используются в российском семейном праве; дается характеристика периодов исторического развития процесса международного усыновления; делается вывод о необходимости рассматривать процесс международного усыновления в Российской Федерации не с национальной, а с глобальной точки зрения, как неотъемлемую часть мирового процесса развития.

Ключевые слова и фразы: международное усыновление; основания периодизации; «гуманитарный ответ»; «период взаимности»; коммерционализация международного усыновления; глобализация.

Татаринцева Елена Александровна, к.ю.н.

*Институт Дружбы народов Кавказа (филиал) в г. Светлограде
tatarintseva67@mail.ru*

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ[©]

Усыновление ребенка, являющегося гражданином России, иностранным гражданином, лицом без гражданства или российским гражданином, постоянно проживающим за границей, на практике получившее название «международного» усыновления, является предметом незатихающих политических и научных дискуссий [1, с. 426].

Происходящий сегодня процесс глобализации международного усыновления, в который оказалась вовлечена и Российская Федерация, требует осмысления проблем периодизации или деления исторического процесса развития международного усыновления на определенные стадии, хронологические периоды, что связано с необходимостью понимания места и роли России в данном процессе, определения направленности и перспектив развития международного усыновления в современном взаимозависимом мире.

Причины появления международного усыновления - сложного социального феномена, тесно связанного с социальными, экономическими и политическими факторами, оказывающими влияние на семью как основную структурную единицу общества, - берут свое начало в историческом прошлом, без обращения к которому невозможно понять процессы, которые происходят в международном усыновлении сегодня, так же, как и перспективы его развития на местном, национальном и глобальном уровнях.

Впервые международное усыновление проявилось в усыновлении многих десятков тысяч детей-сирот, от которых отказались или ненадлежащим образом воспитывали их родители и которые были отправлены из Великобритании и Ирландии в Австралию, Канаду, США и другие британские колонии и постколониальные страны в конце XIX в. и начале XX в. [34].

Начало современному международному усыновлению, по единодушному мнению зарубежных авторов, было положено после Второй мировой войны [18; 21; 25; 30; 32; 39]. Однако мнения ученых расходятся по вопросу оснований (критериев) периодизации, в рамках которых протекал процесс международного усыновления. Х. Альштейн и Р. Г. Саймон полагают, что процесс международного усыновления происходил в течение двух периодов: первый начался в 1948 г. и продолжался до конца 1953 г., второй начался в середине 50-х гг. XX столетия и продолжается до настоящего времени [21, р. 15]. Авторы считают, что длительность первого периода составила «только около пяти лет», поскольку в течение этого времени усыновляемые дети, осиротевшие в результате военных действий, рассматривались как дети, имеющие «одинаковое расовое и культурное происхождение» с усыновителями из западных стран. Причиной начала второго периода международного усыновления также послужили военные действия, но на этот раз - в Корее [Ibidem]. Как отмечается в американской литературе, «международное усыновление американцами началось в виде усилий по оказанию помощи для сирот, появившихся в результате войны в Корее» [31].

По мнению К. Лавлок, первый период международного усыновления, начавшийся после Второй мировой войны, продолжался до середины 70-х гг. XX столетия. Деление периодов на первый и второй – современный – автор объясняет изменениями, произошедшими в мотивации усыновителей: от гуманитарной – желания помочь детям, осиротевшим в результате войны, к индивидуалистической – желанию усыновить ребенка для создания собственной семьи [25, р. 908]. С середины 70-х гг. XX столетия акцент в усыновлении переместился со стран, где происходили военные действия, в том числе с участием США, на страны Латинской Америки. Эту тенденцию К. Лавлок объясняет возросшим уровнем бесплодия и проблем, связанных с препятствиями в усыновлении на национальном уровне [Ibidem].

В литературе предлагается и более современная периодизация исторических периодов процесса международного усыновления, основанием которой является модель четырех поколений усыновителей из северных европейских стран. В соответствии с ней такие авторы, как Р. А. С. Хоксберген, Р. Уэйл, С. Кэйн, П. Селмэн, А. Янг, предлагают различать четыре периода в его развитии [22; 36; 37; 41]. По мнению А. Янг, следует переместить акцент с мотивации усыновителей и положить в основу периодизации исторические условия, в которых происходило развитие данного процесса [40, р. 67].

Поскольку, на наш взгляд, новая интерпретация периодизации процесса международного усыновления, включающая в себя четыре периода его развития, представляется более полной и детальной, следует рассмотреть ее подробнее.

Первый период международного усыновления, датируемый между 1945 г. и 1975 г., положивший начало современному международному усыновлению, получил название «гуманитарный ответ». Он характеризовался передачей детей из специализированных учреждений обедневших стран или стран, пострадавших от военных конфликтов, в семьи усыновителей среднего класса западных стран. В числе первых усыновленных стали сироты из Германии, Греции, Италии, Австрии, Франции, Латвии и Эстонии. Эти дети были отправлены в такие европейские страны, как Дания, Нидерланды, Бельгия и США [17; 21]. Дети, отправленные после Второй мировой войны в США, были в основном сиротами из Германии и Греции, но также встречались случаи усыновления детей из стран Азии, таких как Япония [21]. В Скандинавских странах интерес к международному усыновлению также возрос в конце Второй мировой войны. Первоначально международное усыновление чаще всего принимало форму, когда усыновители, имевшие своих собственных детей, принимали сирот, тем самым расширяя свою собственную семью. Так, дети, местонахождение кровных родственников которых установить не удалось, принятые в Швеции и Нидерландах в приемные семьи, были впоследствии усыновлены шведскими и голландскими гражданами. Р. А. С. Хоксберген объясняет это верой европейцев в то, что им следовало помогать детям, оставленным в послевоенный период, потому что они могли позволить себе поступить таким образом. В этот период политическим беспорядкам, происходившим в странах происхождения детей, а также психологическому смыслу таких радикальных изменений не придавалось большого значения [18, р. 109]. По мнению К. О'Хэллорэн, «подход "спасения ребенка", положенный в основу объяснения данного явления, являлся очень практичным для западных стран и представлялся в виде гуманитарного ответа на бедственное положение детей-беженцев, оставленных или осиротевших в период ведения военных действий» [29, р. 138].

К середине 60-х гг. XX в. поток детей из европейских стран стал заметно снижаться, что, по мнению Р. Уэйла, стало следствием более широкого применения населением мер биологического контроля, признания статуса одинокой матери, роста поздних браков и стремления к усыновлению детей внутри страны [41, р. 281].

В то же время, начиная с 1968 г. и до середины 1980 г. число лиц в США, страдающих от бесплодия, удвоилось. Наряду с развитием индустрии лечения бесплодия, на которую американцы в попытке забеременеть ежегодно тратили от одного до двух миллиардов долларов, другой областью, которая начинает привлекать капиталы, управляемые свободной рыночной экономикой, становится международное усыновление, где вопросы построения новой семьи начинают решаться путем приобретения ребенка рыночным путем [16, р. 407].

С 1963 г. по 1975 г. в США начинает набирать силу тенденция усыновления детей из стран Азии. В ходе войны в Корее (1950-1953 гг.) и во Вьетнаме (1962-1975 гг.) азиатские страны стали значительным источником международного усыновления детей для США. По данным Р. Уэйла, если в этот период число детей, усыновленных в США из стран Европы, составило приблизительно 7 067 чел., то из азиатских стран в США было усыновлено 22 483 ребенка, из которых наибольшее количество – 14 684 ребенка – из Южной Кореи [41, р. 282-283]. Это подтверждается и данными, представленными другими авторами. Как отмечают Х. Альштейн и Р. Дж. Саймон, с 1966 г. по 1976 г. американскими семьями были усыновлены приблизительно 32 тыс. детей, их которых около 65% составили дети из азиатских стран, преимущественно из Южной Кореи [21, р. 56].

Причины роста международного усыновления, ставшего доступным источником для тысяч американских пар, стали предметом обширной дискуссии [16, р. 406]. Х. С. Миллер, М. К. Бенет, Б. Тизард, подчеркивая важность кровных связей и семейной структуры в корейском обществе, объясняли передачу корейских детей на международное усыновление неприятием традиционного общества внебрачных детей или детей смешанной расы, – «отпрысков солдат, воевавших в азиатских странах» [10, р. 167; 28, р. 28; 39, р. 745].

По мнению Т. Хубинет, одной из причин роста международного усыновления после Второй мировой войны стала бедность населения. Опыт Южной Кореи проиллюстрировал значительную роль, которую играет бедность в увеличении числа детей, подлежащих усыновлению. С 1956 г. по 1994 г. эта страна внесла самый важный вклад в развитие международного усыновления [20, р. 18], отправив, в общем, около 150 тыс. детей в семьи усыновителей в другие страны. Хотя первоначально поток стимулировался за счет детей – жертв войны, ставших сиротами или беженцами, с течением времени ситуация изменилась, и приоритет государственной политики был отдан индустриализации страны, нежели развитию социальной сферы и здравоохранения. Как отмечает К. О'Хэллорэн, политическая позиция правительства Южной Кореи сознательно способствовала экспорту детей, для того чтобы избежать истощения дефицитных национальных ресурсов. Справедливость этого подтверждается тем фактом, что в конце 90-х гг. XX столетия, с ростом национального благосостояния в Корее, ее роль, как страны-донора, резко снизилась [29, р. 139].

Дети из Вьетнама также передавались на международное усыновление в США по программе для беженцев. В 1975 г. правительство Вьетнама предложило США около 3 тыс. детей на усыновление, хотя данные по поводу их точного числа существенно различаются. Около $\frac{3}{4}$ из этих детей были отправлены в США, а оставшаяся часть – в другие страны, включая Австралию. Операция, получившая название «Бэбилифт», была подвергнута критике в работе ряда американских авторов. Так, в частности, В. Фэйгельман и А. Р. Силвермэн доказывали, что определенная часть вьетнамских детей не была в действительности «сиротами», а была помещена в детские дома с целью их защиты до того, как будет восстановлена их семья по окончании периода военных действий [14, р. 298]. И. Зиглер считает, что некоторые родители отправляли своих детей в США намеренно, чтобы они получили больше возможностей для лучшей жизни [42, р. 337]. По его мнению, усыновление американцами вьетнамских сирот, следует расценивать как символический жест США для смягчения ее вины за войну во Вьетнаме и оказание давления на население этой страны с целью расширения политического влияния США. И хотя этот «воздушный мост» был первоначально встречен американцами с энтузиазмом, впоследствии необходимость в его существовании стала подвергаться сомнениям. Частично они были вызваны авиакатастрофой, в результате которой погибло около 200 детей и взрослых, находящихся на борту самолета, летевшего из Вьетнама в США, но больше всего недовольства начала вызывать незапланированная эвакуация вьетнамских детей [Ibidem, р. 338]. Участие США в данной операции также потребовало ответа на вопрос о том, почему необходимо оказывать помощь детям из Вьетнама, в то время как дети в США также нуждаются в семьях усыновителей [40, р. 69].

Кроме того, как отмечает К. О'Хэллорэн, в усыновлении детей из стран Азии впервые появился и межрасовый компонент усыновления [29, р. 137]. До 50-х гг. XX столетия в США большинство людей отказывались от идеи межрасового усыновления, поэтому усыновление практиковалось в национальных рамках по расовому признаку. Основным аргументом против межрасового усыновления базировался на том, что ребенок иного расового происхождения, чем усыновитель, не будет успешно расти и развиваться в семье, принадлежащей к другой расе или культуре. Однако сторонники межрасового и международного усыновления доказали, что семья для ребенка является более важной, чем его воспитание в учреждении для сирот, даже если раса усыновителей отличается от расы ребенка [24]. В то же время, признавая сходство между межрасовым усыновлением и международным усыновлением, была отмечена важность различий в отношении доступа к культуре кровной семьи ребенка. Так, Д. Киртон доказывал, что в случае международного усыновления географическая дистанция между страной происхождения ребенка и страной, куда он был усыновлен, может оказать более разрушающее воздействие на формирование идентичности ребенка, чем межрасовое усыновление, при котором ребенок из-за большего доступа к культуре страны своего происхождения меньше испытывает чувство изоляции от родной культуры [Ibidem]. Следует отметить, что и сегодня, формирование идентичности ребенка продолжает оставаться одним из основных вопросов в дебатах о международном усыновлении.

Таким образом, после Второй мировой войны сложное социально-экономическое разделение между «государствами происхождения» и «принимающими государствами», участвующими в международном усыновлении, стало очевидным фактом. Поток детей, направляемых на усыновление, принял противоположное направление, отличное от того, каким оно являлось с конца XIX в. до середины XX столетия: он устремился из неразвитых стран южного полушария в более богатые северные страны, и в настоящее время продолжает оставаться неизменным, указывая на реальность движущих сил, которые направляют его в международном усыновлении [29, p. 136].

Следующий, *второй период*, начавшийся с середины 70-х гг. и продолжавшийся до начала 90-х г. XX столетия, был связан с кризисом в Румынии. К. Лавлок характеризует этот период двух волн активности как «нахождение семей для детей» и «нахождение детей для семей» [25, p. 908]. По мнению А. Янг, период с 1976 г. по 1991 г. был «периодом взаимности», в течение которого как государства происхождения детей, так и принимающие государства, получали взаимную пользу от процесса международного усыновления [40, p. 69].

К. Лавлок и А. Янг признают, что, несмотря на присутствующий еще гуманизм, во втором периоде он уже перестает быть главным мотивационным фактором международного усыновления для западных стран [25, p. 908; 40, p. 70]. В течение этого периода начинает развиваться ситуация, в которой потребность в детях, которые могут быть усыновлены, возникшая в развитых странах, отвечает потребности решить проблему с детьми, оставшимися без попечения родителей, в развивающихся странах. Эта ситуация названа А. Янг «видом взаимной помощи»; и хотя элементы «рынка» уже начинают возникать, в этот период они не являются еще доминирующими в практике международного усыновления [40, p. 70].

Второй период характеризуется не только значительным ростом числа усыновленных детей, но и увеличением числа «государств происхождения» детей. Согласно исследованиям С. Кэйн, между 1980-1989 гг. XX столетия было усыновлено не менее 170-180 тыс. детей из 14 развивающихся стран. Таким образом, рост международного усыновления составил 62% по сравнению с предшествующим десятилетием [22, p. 329].

Несмотря на большое количество стран, участвующих в практике международного усыновления, в 1989 г. подавляющее число детей (90%), переданных на международное усыновление, составили дети только из 10 стран: Кореи, Индии, Колумбии, Бразилии, Шри-Ланка, Чили, Филиппин, Гватемалы, Перу и Эль-Сальвадора [Ibidem]. Остальные 58 стран, в том числе Югославия, Турция, Мадагаскар, внесли значительно меньший вклад в развитие процесса международного усыновления, участвуя в нем только в начале 80-х гг. XX столетия [40, p. 71].

В этот период происходят существенные изменения в странах, представлявших основной источник международного усыновления. К середине 70-х гг. XX в. в Южной Корее начинается сокращение числа детей, передаваемых на международное усыновление, благодаря правительственной программе, содействующей производству аборт и массовой стерилизации как средствам биологического контроля корейского населения. Такие же программы начинают вводиться в таких азиатских странах, как Гонконг и Сингапур [30, p. 167]. Во Вьетнаме после «Операции Бэбилит» в 1979 г. новое правительство инициировало политику приостановления международного усыновления. В течение этого периода наблюдалось устойчивое снижение числа корейских детей, передаваемых на международное усыновление гражданам США. Если в 1977 г. в США из Южной Кореи было усыновлено 3 858 детей, то к 1981 г. их число снизилось до 2 444 детей. Однако отмена решения о приостановлении международного усыновления в Южной Корее вновь привела к устойчивому росту числа усыновлений корейских детей в США, достигнув пика в 1986 г., когда было усыновлено 6 188 детей. Таким образом, на протяжении 80-х гг. XX в. Южная Корея продолжала сохранять свое значение как одного из основных источников международного усыновления для США, составляя 62% от общего числа всех международных усыновлений [21, p. 159].

Вследствие упадка числа детей, доступных для международного усыновления из азиатских стран, в США возрастает интерес к таким развивающимся странам Латинской Америки, как Колумбия, Чили, Перу, Эквадор и Эль-Сальвадор, которые в 80-е гг. XX в. начинают доминировать в качестве источника международного усыновления [32, p. 275].

Значительным фактором в появлении детей, доступных для усыновления на южно-американском континенте, стало отсутствие или разрушение инфраструктуры по причинам хронической бедности и социально-экономических/политических потрясений, а также ограниченные возможности доступа к медицинским и социальным услугам, особенно для одиноких матерей. Как отмечает К. О'Хэллорэн, в некоторых странах на африканском и южно-американском континентах внутренняя миграция населения в поисках пищи, безопасного существования и трудовой занятости привела к широкому провалу традиционной практики воспитания ребенка, оставшегося без попечения родителей, в расширенной родственной семье и невозможности удовлетворения его потребностей [29, p. 136]. Это значительно увеличило количество случаев передачи детей на воспитание в специализированные учреждения. Государственная система здравоохранения, ставшая жертвой социально-экономических неудач в таких странах, оказалась неспособна адекватно справиться с возросшим объемом работы, в результате чего международное усыновление стало выходом из создавшейся ситуации [Ibidem]. Кроме того, в это время произошел «беспрецедентный рост населения развивающихся стран» [11, p. 3]. И для потенциальных усыновителей из западных стран появилась крайне привлекательная возможность усыновления новорожденных детей [32, p. 276]. Неслучайно, ряд стран в Латинской Америке в середине 70-х гг. XX в. модифицировал свое законодательство, разрешив международное усыновление.

В результате этого, по сравнению с 1981 г., когда из стран Латинской Америки было усыновлено 20% от общего числа детей, переданных на международное усыновление, в 1989 г. их количество выросло до 37%. В качестве источника международного усыновления в этот период доминирующая роль принадлежала Колумбии (70% от общего числа всех усыновляемых детей в регионе). Однако раскрытие большого числа преступлений, связанных с похищением детей, привели к введению ограничения на международные усыновления из этой страны и к его последующему упадку [41, р. 288]. Поэтому к концу 80-х гг. XX столетия основными источниками международного усыновления становятся такие страны Латинской Америки, как Бразилия, Чили и Перу [21, р. 25].

Одной из основных причин стремительного роста международного усыновления в этом регионе явилась утрата государством контроля в области международного усыновления. Множество скандальных случаев злоупотреблений в отношении родителей и детей, подтвержденных документами, отсутствие единообразия в правовом регулировании вопросов международного усыновления между странами Латинской Америки и четко определенной общей государственной стратегии в этой области способствовали возникновению «сомнительной деятельности» вокруг целого ряда случаев международного усыновления детей [32].

Окончание второго периода связано с большим количеством детей-сирот, эвакуированных из Румынии после падения режима Чаушеску в начале 90-х гг. XX столетия. Как считает П. Селмэн, несмотря на то, что большую часть второго периода следует охарактеризовать как «период удовлетворения взаимных потребностей», его окончание мотивировалось преимущественно гуманитарными устремлениями [37, р. 184]. Истории жизни румынских детей, пребывающих в ужасающих условиях детских домов в Румынии, муссировались средствами массовой информации. Как отмечает К. О'Хэллорэн, в Румынии в период правления Н. Чаушеску официальная политика, направленная на то, чтобы каждая семья имела как минимум четверых детей, способствовала появлению многих отказных детей, родители которых просто не смогли обеспечить их содержание [29, р. 137]. В период с марта 1990 г. по июнь 1991 г. иностранными усыновителями было усыновлено свыше 10 тыс. румынских детей [30, р. 165]. Однако в этом же 1991 г. процесс международного усыновления румынских детей был приостановлен, и правительство Румынии установило более строгий контроль с целью прекращения вывоза детей в другие страны [12, р. 79]. Ф. Пилотти отмечает, что до 1990 г. количество детей из Европы, усыновленных американскими гражданами, составляло от 1% до 3% всех усыновленных детей в США [30, р. 172]. Причем это число, по мнению Х. Альштейна и Р. Саймон, включало детей, чьи отцы были военнослужащими США, базировавшимися в Западной Германии, которая продолжала передавать детей на международное усыновление в США вплоть до 1981 г. [21, р. 110]. К 1991 г. в результате кризиса в Румынии число детей из Европы, усыновленных гражданами США, выросло до 31% от общего числа всех усыновленных через каналы международного усыновления, что приблизительно соответствовало числу детей, усыновленных из азиатских и латиноамериканских стран [40, р. 71].

Характерной чертой второго периода является то, что международное усыновление становится постоянным признаком благосостояния детей [30, р. 173]. Это было достигнуто благодаря выработке общего курса международного усыновления на межгосударственном уровне, что выразилось в принятии Генеральной Ассамблеи ООН 3 декабря 1986 г. Декларации о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и усыновление на национальном и международном уровне, и Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. Основным в этих документах стало закрепление положения о том, что международное усыновление следует рассматривать только в том случае, когда другие возможности воспитания ребенка в стране его происхождения являются исчерпанными, и поэтому международное усыновление применяется в качестве последнего средства его спасения.

Как отмечает Ф. Пилотти, смысл этой философии для стран происхождения заключался в том, чтобы до принятия решения о передаче детей на международное усыновление они должны были поощрять семейное воспитание детей на национальном уровне посредством поддержки родителей ребенка для его воспитания в собственной семье или используя такие альтернативные формы семейного воспитания как национальное усыновление, или приемная семья [Ibidem]. Таким образом, во втором периоде начинается движение за усиление правового регулирования процедуры международного усыновления. Однако эти инициативы были не всегда успешны, поскольку особенно к концу второго периода в международном усыновлении все более очевидно начинают проявлять себя элементы рыночных отношений. Это касалось использования посредников, которые участвовали в похищении детей раннего возраста, незаконной торговле детьми и оказании давления на беременных женщин с целью передать ребенка на усыновление [26, р. 801]. Причины этого объяснялись все еще достаточно большим количеством детей, подлежащих международному усыновлению, в странах происхождения, резким упадком числа детей в западных странах и возрастающим количеством бездетных пар и одиноких лиц, желающих стать родителями.

Не случайно *третий период* международного усыновления, датируемый 1991-2005 гг., почти всецело прошел под знаком удовлетворения потребностей в детях для усыновителей из западных стран и США, где усыновители менее всего преследовали гуманитарные и альтруистические цели. Характерной чертой этого периода становится усиление действия рыночных сил, под влиянием возрастающих требований лиц, желающих усыновлять детей из-за рубежа. Как отмечают Дж. Х. Холлингер и Р. Риос-Кон, в течение третьего периода происходит рост коммерциализации международного усыновления, которое становится «доходным бизнесом», включающим в себя поставщиков услуг по усыновлению и посредников, получающих высокие прибыли [19, р. 45; 33, р. 18]. Некоторые американские Интернет-сайты, такие например, как *Adoption Associates, Incorporated, Adoption and Family Network, Incorporated, Children's Home Society and Family Services*, показывают

фотографии и предоставляют подробности о детях, подлежащих усыновлению как внутри страны, так и за рубежом. Использование рыночных инструментов и рекламы показало, что некоторые из этих сайтов функционируют как рынок, способствуя росту коммерциализации системы международного усыновления [40, р. 72].

Высокая стоимость, связанная с расходами на международное усыновление, также явилась доказательством существования рыночных отношений в этой системе. В США, например, стоимость усыновления ребенка из-за рубежа варьировалась от 15 до 30 тыс. долларов. Хотя в эту плату включались административные расходы и стоимость правовых услуг, связанных с усыновлением, так же, как и правительственные и ведомственные издержки, они включали в себя также и затраты на поездки и проживание, которые значительно различались в зависимости от страны происхождения ребенка. Д. Смолин отмечает, что стимулирующая к извлечению прибыли система международного усыновления была создана вследствие утраты прозрачности и подотчетности за использование денежных средств, передаваемых западными странами странам происхождения детей в виде «вознаграждения» или «денежных пожертвований» [38, р. 175]. Дж. Мэссон также подчеркивает существование «торговли усыновлением», где платежи, совершаемые для оценки соответствия ребенка и усыновителей, и взносы в детские дома, где находятся сироты, становятся «частью экономики в сфере заботы о детях» [27, р. 152]. Как отмечает А. Янг, пока на политику усыновления будут оказывать влияние рыночные силы, в международном усыновлении будут сохраняться как риск злоупотреблений, так и привлекательность для похитителей и торговцев возможности получения прибыли от продажи детей [40, р. 72-73].

Третий период ознаменовался принятием Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления (удочерения) от 29 мая 1993 г., в которой в качестве особого условия были оговорены законодательные положения о регулировании международного усыновления, так же, как и положения, касающиеся усыновителей. В данной Конвенции была подчеркнута важность рассмотрения ряда различных форм семейного воспитания для детей, оставшихся без родительского попечения. К. О'Хэллорэн отмечает, как принятие Гаагской конвенции от 29 мая 1993 г. привело к изменению подхода «руководства усыновителей» к «руководству ребенка» [29, р. 156].

Несмотря на то, что целью Гаагской конвенции от 29 мая 1993 г. было обеспечение наилучших интересов детей, ряд авторов доказывали, что цель Конвенции – обеспечить семьи детьми. Как считает П. Сэлмэн, благодаря действию Гаагской конвенции дети становятся предметами торговли, а их родителей через ассоциации по усыновлению вовлекают в рынок для торговли ими. Это поднимает такие вопросы, как торговля новорожденными и торговля детьми, обе из которых являются незаконными, так же, как и морально и этически ущербными, которые происходят вопреки положениям Гаагской конвенции [36, р. 191].

В третьем периоде происходит увеличение числа детей, вовлеченных в процесс международного усыновления. Значительные изменения происходят и в структуре стран происхождения детей. Главными источниками международного усыновления для США и других европейских стран в этот период становятся Китай и Россия. Как отметил П. Сэлмэн, рост числа детей, доступных для усыновления из России, стал признаком социальных и политических изменений, сопровождавшихся падением коммунизма в этой стране, вместе с высокой стоимостью содержания детей, оставшихся без попечения родителей, в детских домах [Ibidem].

В Китае стимулирующее развитие на международное усыновление оказала политическая идеология: решение китайского правительства, ставшее впоследствии нормой, что одна семья может иметь только одного ребенка, при этом преимущественно мальчика, привела к ситуации появления на свет многих нежелательных новорожденных девочек, которые и были поглощены процессом международного усыновления [29, р. 137].

Несмотря на то, что Россия и Китай стали крупнейшими источниками международного усыновления в 2004-2005 гг., с 1995 г. по 2004 г. значительный вклад в развитие процесса международного усыновления внесли и такие страны, как Камбоджа, Гаити, Гватемала, Казахстан, Украина и Болгария. Одновременно в течение этого периода ряд стран, таких как Южная Корея, Филиппины, Бразилия, значительно сократили число детей, доступных для международного усыновления [37, р. 190].

В период между 1995 г. и 2004 г. в странах происхождения детей возрастают требования к усыновителям. Так, например, в Китае вводится ограничение на усыновление детей одиночными лицами и лицами старше определенного возраста, что, по мнению А. Янг, объясняется стремлением этих государств к установлению более строгого контроля над процессом международного усыновления под влиянием Гаагской конвенции от 29 мая 1993 г. [40, р. 74]. Положительное воздействие Гаагской конвенции, сделавшей акцент на международном усыновлении как «последнем средстве спасения ребенка», проявилось и в росте признания в странах происхождения детей того факта, что международное усыновление не всегда является лучшим решением для защиты детей, оставшихся без родительского попечения. На наш взгляд, существенное влияние на этот процесс оказала и Конвенция ООН о правах ребенка (ст. 21), стимулирующая государства-участников к развитию альтернативных форм семейного воспитания детей, таких как приемная семья, национальное усыновление, опека и попечительство и т.п.

Кроме того, в развитии инициатив по поддержке воспитания и защиты детей в их собственных странах широкое участие приняло международное сообщество. Так, в Нидерландах инициатива, получившая название «финансовое усыновление», предполагает воспитание детей в своих собственных семьях в родной стране ребенка и получение материальной помощи от семей и организаций из-за рубежа [21, р. 143].

Современный *четвертый период*, получивший название периода усыновления, ориентированного на ребенка, характеризуется тем, что количество детей, доступных для международного усыновления, постоянно сокращается. Как указывается в докладе Комиссара Совета Европы по правам человека Т. Хаммарберга: «Такое снижение

в основном отражает улучшение условий должного ухода за детьми – особенно младшего возраста – в их собственных странах, включая и национальное усыновление». При этом, как отмечается в докладе, «количество людей, которые обращаются за международным усыновлением, продолжает расти» [9]. Сегодня страны происхождения изыскивают все больше возможностей для воспитания детей в своей собственной стране, и поэтому процесс международного усыновления продолжает изменяться. В поиске новых источников международного усыновления западные страны и США ищут новые подходы и новые страны для развития своих программ. Движение процесса международного усыновления в новую, четвертую стадию, которая еще так далека, характеризуется высокими требованиями потенциальных усыновителей, небольшим количеством детей, доступным для усыновления из-за рубежа, и изменением природы этих детей. Большинство детей, передаваемых на международное усыновление, сегодня происходят из многодетных семей, принадлежат к старшим возрастным группам, а также страдают от различных форм физической или интеллектуальной недееспособности.

Как отмечает А. Янг, высокие требования к детям в развитых странах явились результатом того, что развивающиеся страны стали больше контролировать политику усыновления. Страны происхождения детей отдают преимущество новорожденным детям и детям раннего возраста, а также здоровым детям, пригодным для национального усыновления, а детей с более сложной историей и потребностями передают на международное усыновление [40, р. 74]. Что касается США, то, «хотя слишком рано говорить о влиянии Гагской конвенции от 29 мая 1993 г. на США, однако многочисленные факторы, свидетельствующие как об изменении типа детей, передаваемых в эту страну на международное усыновление, так и усложнении критериев приемлемости для получения права быть усыновителями, указывают на то, что США уже вступили в четвертую стадию развития данного процесса» [Ibidem].

Вопросы периодизации развития института международного усыновления рассматриваются и в работах российских авторов. Следует отметить, что российская периодизация отличается от зарубежной периодизации как по временным параметрам, так и по критериям выделения того или иного периода развития процесса международного усыновления. В большинстве работ российских ученых исследуются четыре периода становления института усыновления, при этом развитие собственно института международного усыновления в Российской Федерации авторы относят к третьему и современному - четвертому периодам, которые включены в общую периодизацию развития и становления российского института усыновления. Причины этого объясняются, в частности, теми историческими условиями, в которых происходило развитие института усыновления в советский период, когда, как отмечает А. З. Дзугаева, «по идеологическим мотивам большая роль в воспитании детей отдавалась государству, поэтому вопросы по международному усыновлению вообще не регламентировались» [4, с. 16]. Не случайно, согласно правительственным данным США, между 1957 г. и 1963 г. из СССР супружескими парами США было усыновлено только двое детей, и такое положение сохранялось вплоть до 1991 г. [35, р. 5].

В отличие от критериев, положенных в основу периодизации международного усыновления западными учеными (в т.ч. мотивация усыновителей, исторические условия усыновления), общим основанием российской периодизации института усыновления выступает эволюция законодательных актов об усыновлении, как национальных, так и международных [3, с. 10]. Что касается периодизации собственно международного усыновления, то здесь нет единого мнения. Так, К. Ю. Бородич, датирует третий период между 1939 г. и 1993 г., характеризует его стремительным ростом иностранных усыновлений как следствия Второй мировой войны и окончанием войны в Северной Корее. Современный период развития института усыновления автор относит к 1993 г. когда была принята Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении международного усыновления (удочерения) от 29 мая 1993 г. Данный период характеризуется К. Ю. Бородич как «стремление государств унифицировать вопросы, касающиеся международного усыновления, с целью повышения эффективности и универсальности правового регулирования путем двусторонней унификации, региональной унификации и универсальной унификации» [Там же]. Аналогичную позицию занимает и Е. Ю. Князева [7, с. 18].

По мнению А. З. Дзугаевой, третий этап в развитии законодательства по международному усыновлению в Российской Федерации связан с началом 1990-х гг. XX в., когда граждане и представители различных иностранных организаций из европейских стран и США в массовом порядке стали обращаться в Министерство образования РСФСР с просьбой об усыновлении российского ребенка. Как считает автор, в этот период законодательство по международному усыновлению в России шло по пути создания более благоприятных условий защиты интересов усыновленного иностранцами ребенка [4, с. 16]. Следует отметить, что временным рамкам периодизация, предложенная А. З. Дзугаевой, наиболее полно приближена к позиции, занимаемой зарубежными авторами, что позволяет анализировать данный этап развития международного усыновления в России не с внутринациональной, а с глобальной точки зрения.

Таким образом, в современной российской литературе развитие института международного усыновления, начиная с 40-х гг. XX столетия, в большинстве работ рассматривается преимущественно как очередной этап развития российского законодательства об усыновлении в целом. При этом, как правило, исследованию подвергаются проблемы международного усыновления, возникающие на национальном уровне.

Одной из первых работ, посвященных периодизации и характеристике развития процесса международного усыновления на глобальном уровне, стала работа О. А. Дюжевой «Проблемы законодательства о международном усыновлении» [6], послужившая основой для выработки подхода к данному вопросу другими авторами. В более ранней работе автором был проведен исторический обзор развития национального законодательства об усыновлении в СССР и других бывших советских республиках и дана характеристика нового этапа развития института усыновления – международного этапа, требующего скорейшего подписания

Российской Федерацией и странами СНГ Гаагской конвенции от 29 мая 1993 г. О. А. Дюжева объясняет необходимость этого большим количеством сирот и привлекательными возможностями для нечестных лиц и агентств для внедрения в эту область рыночных отношений [13, р. 238].

Проблемы российского законодательства о международном усыновлении с точки зрения исторической перспективы рассматривались и в трудах О. А. Хазовой [23, р. 330-362].

Однако в целом следует говорить о недостаточности научных исследований российских ученых по глобальным проблемам международного усыновления, связанных с появлением в России этого нового для нее феномена, о влиянии нашей страны на процесс международного усыновления на мировом уровне, а также о выработке прагматичных подходов к политике международного усыновления, которая отражала бы наилучшие интересы ребенка как в самой России, так и за рубежом.

На отсутствие научных работ российских авторов по проблемам международного усыновления детей – граждан Российской Федерации – на международном уровне обращается внимание и в зарубежной литературе. В отличие от исследований, которые в середине 90-х гг. XX в. проводились американскими, канадскими и английскими учеными [15], в частности, по проблемам усыновления румынских детей, как отмечает Дж. А. Руджиеро – автор книги «Восточно-европейское усыновление: политика, практика и стратегии для изменения» [35, р. 28]: «В настоящее время исследования о детях, рожденных в России, как основной категории усыновленных детей, включая усыновленных детей старшего возраста, детей, имеющих братьев и сестер, в опубликованной социальной научной литературе фактически отсутствуют» [Ibidem].

Рассматривая историю развития международного усыновления в Российской Федерации в период с 1991 г. по 2005 г. как третий этап глобального международного усыновления, следует отметить, что он был связан с переломным для жизни всей страны периодом, что в последующем предопределило проблемы, которые наша страна испытывает сегодня.

Россия вступила на арену международных усыновлений в период распада СССР и возникновения новых рыночных отношений. В 1990-е гг. семьи с детьми оказались самой уязвимой группой, столкнувшись с такими явлениями, как безработица и низкооплачиваемая занятость, не гарантирующая даже самому работнику потребление на уровне стандартов физиологического выживания. Основной социальной проблемой российской семьи была и продолжает оставаться бедность семей, более того – детская бедность. По утверждению известного социолога М. Н. Руткевича, на конец 90-х гг. в России 9 из 10 человек являлись бедными и нищими [Цит. по: 8, с. 154]. Согласно исследованиям Независимого института социальной политики и ЮНИСЕФ, в 1992 г. риск бедности детей был на 16% выше общенационального. Неизбежным спутником бедности российских детей стало полуголодное, а то и просто голодное существование, не поддающееся измерению [1, с. 157]. Как отмечает А. М. Нечаева, таков печальный, мало того, трагический результат реформирования хозяйственной и политической систем, самоцель которой в создании так называемой эффективной экономики. В результате ее претворения в жизнь не выдержали самые слабые и незащищенные – дети [8, с. 154].

Проявление кризисных процессов в институте семьи в Российской Федерации способствовало ослаблению семейных связей, снижению ответственности у части родителей за содержание и воспитание детей, что в совокупности с дефицитом социальных услуг и институтов, необходимых современной семье для выполнения родительских функций, привело к появлению и расширению такого явления, как беспризорность и безнадзорность детей, росту масштабов социального сиротства [Там же, с. 33]. Огромное число российских детей, оставшихся без попечения родителей, стали основным источником международного усыновления, прежде всего для США. Об этом свидетельствуют статистические данные. В 1991 г. и 1992 г. в США было усыновлено 444 ребенка из Советского Союза. Впоследствии число усыновленных российских детей в США стало стремительно расти [35, р. 3]. Как отмечает Дж. Руджиеро, «усыновление американцами детей из стран Восточной Европы – это относительно новый феномен, начиная с 1990 г. Между 1990 г. и 2005 г. из Восточной Европы супружескими парами из США было усыновлено 716 655 детей. Почти 66% из них были выходцами из одной страны – России» [Ibidem].

2003-2004 гг. стали пиковыми годами, когда число международных усыновлений в Российской Федерации превысило национальное. Так, если в 2003 г. российскими гражданами было усыновлено 7188 детей, а иностранными гражданами – 7986 детей, то в 2004 г. российскими гражданами было усыновлено только 7103 детей, в то время как иностранными – 9 419 детей [5]. Однако, начиная с 2006 г., динамика ежегодного роста числа выявляемых детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, изменилась, и в 2010 г. было выявлено уже на 39,2 тыс. детей меньше, чем в 2005 г. Тем не менее, на фоне сокращения общей численности детского населения указанная тенденция не привела к падению доли детей-сирот: ее величина уже в течение нескольких лет сохраняется на уровне в 2,5-2,8%, что значительно превосходит аналогичные индикаторы в развитых странах мира [1, с. 33].

Сегодня Российская Федерация находится на новом этапе развития процесса международного усыновления. Он характеризуется переосмыслением роли России, ставшей в конце XX - начале XXI в. одним из основных источников поставки человеческих ресурсов, прежде всего в США. Такое положение требует дальнейших исследований развития института международного усыновления в Российской Федерации, ставшего неотъемлемой частью глобального института международного усыновления; изучения влияния Российской Федерации на развитие процесса международного усыновления как в «принимающих государствах», так и в целом в мире; определения места и роли Российской Федерации в этом процессе, выработки государственной стратегии в области международного усыновления, способствующей наилучшему обеспечению интересов детей – граждан РФ; разработки единых стандартов в области усыновления детей как в отношении национального, так и международного усыновления.

Список литературы

1. **Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей** [Электронный ресурс]: совместный доклад Независимого института социальной политики и Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). URL: <http://unicef.ru/upload/ATTJVRGA.pdf> (дата обращения: 15.12.2012).
2. **Антокольская М. В.** Семейное право: учебник. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. 432 с.
3. **Бородич К. Ю.** Усыновление детей - граждан России иностранными гражданами: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
4. **Дзугаева А. З.** Правовые проблемы усыновления детей – граждан Российской Федерации иностранными гражданами в России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 36 с.
5. **Динамика усыновления детей посторонними гражданами в 2005 г.** [Электронный ресурс]. URL: http://www.usynovite.ru/statistics/2005/foreign_adopt_in_time/ (дата обращения: 15.12.2012).
6. **Дюжева О. А.** Проблемы законодательства о международном усыновлении // Государство и право. М.: Наука, 1995. № 6. С. 40-47.
7. **Князева Е. Ю.** Правовое регулирование усыновления детей – граждан Российской Федерации иностранными гражданами: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 32 с.
8. **Нечаева А. М.** Россия и ее дети (ребенок, закон, государство). М.: ИГП РАН, 2000. 242 с.
9. **Усыновление и дети в контексте защиты прав человека:** тематический доклад, подготовленный по поручению и опубликованный Томасом Хаммарбергом, Комиссаром Совета Европы по правам человека. Страсбург, 28 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1780199&Site=COE> (дата обращения: 29.11.2012).
10. **Benet M. K.** The Politics of Adoption. N. Y.: The Free Press, 1976. 235 p.
11. **Chaponniere C.** A Question of Interests: Intercountry Adoption // International Children Rights Monitor. 1983. Vol. 1. № 1.
12. **Dickens J.** The Paradox of Intercountry Adoption: Analysing Romania's Experience as a Sending Country // International Journal of Social Welfare. 2002. Vol. 11. № 1. P. 76-83.
13. **Dyuzheva O. A.** Adoption and the Abandonment of Children in the Former Soviet Union in Parenthood in a Modern Society: Legal and Social Issues for the Twenty-First Century / ed. J. Eekelaar. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1993.
14. **Feigelman W., Silverman A. R.** Preferential Adoption: a New Mode of Family Formation // Social Casework: the Journal of Contemporary Social Work. 1979. Vol. 60. № 5. P. 296-305.
15. **Goldberg R.** Adopting Romanian Children: Making Choices. Taking Risks // Marriage and Family Review. 1997. Vol. 25 (1/2). P. 79-98.
16. **Graff N. B.** Intercountry Adoption and the Convention on the Rights of the Child: Can The Free Market in Children Be Controlled? // Syracuse Journal of International Law and Commerce. 2000. Vol. 27. № 2. P. 405-430.
17. **Harvey I. J.** Australian Parents for Vietnamese Children: a Social-Psychological Study of Intercountry Adoption in Australia. North Ryde, NSW, Australia: School of Behavioural Sciences, Macquarie University, 1980. 487 p.
18. **Hoksbergen R. A. C., Laak J. ter.** Changing Attitudes of Adoptive Parents in Northern European Countries in Psychological Issues in Adoption: Research and Practice / ed. by D. Brodzinsky, J. Palacios. Westport, CT: Praeger, 2005. 324 p.
19. **Hollinger J. H.** Intercountry Adoption: Forecasts and Forebodings // Adoption Quarterly. 2004. Vol. 8. № 1. P. 41-60.
20. **Hubinette T.** Adopted Koreans and the Development of Identity in the "Third Space" // Adoption & Fostering. L.: BAAF, 2004. Vol. 28. № 1. P. 16-24.
21. **Intercountry Adoption: a Multinational Perspective** / ed. by H. Alstein, R. J. Simon. N. Y.: Praeger, 1991. 195 p.
22. **Kane S.** The Movement of Children for International Adoption: an Epidemiologic Perspective // The Social Science Journal. 1993. Vol. 30. № 4. P. 323-339.
23. **Khazova O. A.** Russia: Looking Back, Evaluating the Present and Glancing into the Future // The Future of Child and Family Law: International Predictions / ed. by E. E. Sutherland. N. Y.: Cambridge University Press, 2012.
24. **Kirton D.** Intercountry Adoption in the UK: Towards an Ethical Foreign Policy? // Selman P. Intercountry Adoption: Developments, Trends and Perspectives. L.: BAAF, 2000. P. 295-314.
25. **Lovelock K.** Intercountry Adoption as a Migratory Practice: a Comparative Analysis of Intercountry Adoption and Immigration Policy and Practice in the United States, Canada and New Zealand in the Post World War Two Period // International Migration Review. 2000. Vol. 34. № 3. P. 907-919.
26. **Lucker-Babel M. F.** Intercountry Adoption and Trafficking in Children: an Assessment of the Adequacy of the International Protection of Children and Their Rights // International Review of Penal Law. 1991. Vol. 62. № 3. P. 799-818.
27. **Masson J.** Intercountry Adoption: a Global Problem or a Global Solution? // Journal of International Affairs. 2001. Vol. 55. № 1.
28. **Miller H. C.** Recent Developments in Korean Services for Children // Children. 1971. Vol. 18. № 1. P. 28-30.
29. **O'Halloran K.** The Politics of Adoption: International Perspectives on Law, Policy & Practice. 2nd ed. Brisbane, QLD, Australia: Springer, 2009.
30. **Pilotti F.** Intercountry Adoption: Trends, Issues and Policy Implications for the 1990s // Childhood. 1993. Vol. 1. № 3. P. 165-177.
31. **Quarles C. S., Brodie J. H.** Primary Care of International Adoptees // American Family Physician. 1998. December 1.
32. **Resnick R. P.** Latin American Children in Intercountry Adoption // Adoption:
33. **Essays in Social Policy, Law, and Sociology** / ed. by P. L. Bean. Tavistock, 1984. P. 273-287.
34. **Rios-Kohn R.** Intercountry Adoption // Adoption Quarterly. 1998. Vol. 1. № 4. P. 3-32.
35. **Robins J.** The Lost Children: a Study of Charity Children in Ireland, 1700-1900. Dublin: Institute of Public Administration, 1980. 366 p.
36. **Ruggiero J. A.** Eastern European Adoption: Policies, Practice and Strategies for Change. New Brunswick, The USA; L., U.K.: Transaction Publishers, 2007.
37. **Selman P.** Intercountry Adoption: Developments, Trends and Perspectives. L.: BAAF, 2000.
38. **Selman P.** Trends in Intercountry Adoption: Analysis of Data from 20 Receiving Countries, 1998-2004 // Journal of Population Research. 2006. Vol. 23. № 2. P. 183-204.
39. **Smolin D.** Child Laundering: How the Intercountry Adoption System Legitimizes and Incentivizes the Practices of Buying, Trafficking, Kidnapping and Stealing Children // Wayne Law Review. 2006. Vol. 52. № 1.

40. **Tizard B.** Inter-country Adoption: a Review of the Evidence // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1991. Vol. 32. № 5. P. 743-756.
41. **Young A.** Developments in Inter-country Adoption: from Humanitarian Aid to Market-Driven Policy and Beyond. L.: Adoption & Fostering, 2012. Vol. 36. № 2.
42. **Weil R.** International Adoptions: the Quiet Migration // International Migration Review. 1984. Vol. 18. № 2. P. 276-295.
43. **Zigler E.** A Developmental Psychologist's View of Operation Babylift // American Psychologist. 1976. Vol. 31. № 5. P. 329-340.

MODERN PERIODIZATION OF INTERNATIONAL ADOPTION PROCESS

Tatarintseva Elena Aleksandrovna, Ph. D. in Law
Institute of Caucasian Peoples' Friendship (Branch) in Svetlograd
tatarintseva67@mail.ru

The author discusses the modern periodization of international adoption process, which necessity is conditioned by the re-interpretation of the role of the Russian Federation in international adoption as a "state of origin"; analyzes the foundations of international adoption periodization, suggested by foreign scientists, which have not been studied in the Russian science; compares them with those foundations of periodization, which are used in the Russian family law; describes the historical development periods of international adoption process; and comes to the conclusion about the necessity to consider the process of international adoption in the Russian Federation not from national, but from global perspective as an integral part of global development process.

Key words and phrases: international adoption; foundations of periodization; "humanitarian response"; "period of reciprocity"; commercialization of international adoption; globalization.

УДК 394.262(=161)

Исторические науки и археология

Задача статьи – выявить различные этнокультурные традиции в календарных обрядах и обрядовых песнях терского казачества. Выделяются как русские (в том числе севернорусские и среднерусские), так и украинские обряды и песни, как общие для казачества и крестьянства, так и характерные преимущественно для казачества и населения некоторых городов. Казачество многих терских станиц имело смешанное происхождение, поэтому встречались одновременно и русские, и украинские обряды и обрядовый фольклор.

Ключевые слова и фразы: календарная обрядность; терское казачество; гребенское казачество; Рождество; Масленица; Троица.

Тхамокова Ирина Хасановна, к. ист. н.
Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН
otarakana@mail.ru

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА[©]

Терское казачество формировалось на протяжении трех веков, начиная с XVI в. и до середины XIX в. При этом большая часть терских станиц появилась только в конце XVIII в. и в XIX в. В состав терского казачества вошло несколько различных социальных и этнических групп: волжские и донские казаки, русские и украинские крестьяне, однодворцы, отставные солдаты, а также осетины, кабардинцы, грузины. Обрядность и фольклор терского казачества складывались на основе нескольких этнокультурных традиций (даже если не принимать во внимание казаков кавказского происхождения).

Календарная обрядность терского казачества до настоящего времени остается недостаточно изученной, хотя несколько небольших работ на эту тему было опубликовано. Как наиболее полную и обстоятельную можно отметить статью Е. М. Белецкой, Н. Н. Великой и В. Б. Виноградова. Она основана главным образом на полевых материалах, собранных авторами в гребенских станицах [1, с. 51]. Гребенские казаки – старейшая группа терского казачества, их обряды представляют большой интерес для этнографии и фольклористики, но они составляли население только 5 терских станиц. Кроме них на Тереке много других станиц и других по происхождению групп казачества, чья обрядность и фольклор остаются почти не исследованными. Кроме того, авторы статьи не ставили перед собой цель изучить этнокультурные варианты в календарной обрядности терского казачества. Хотя они обратили внимание на различие между обрядами старообрядцев и православных казаков или на сходство некоторых терских колядок с украинскими [Там же, с. 52, 53], все же происхождение, этничность большинства календарных обрядов остались неизвестными.

Задача настоящей статьи – выявить в календарной обрядности терского казачества различные этнокультурные традиции, объясняемые гетерогенностью этой группы. Работа основана на составленных